

УДК 101

В.В. Габеев

Горский государственный аграрный университет

г. Владикавказ, РСО-Алания, Россия

redaction-el@mail.ru

ИДЕЯ ПРАВИЛЬНОГО НАЦИОНАЛЬНОГО САМОСОЗНАНИЯ И.А.ИЛЬИНА

[Gabeev V.V. Idea of right national self-consciousness of I.A. Ilyin]

It is stated that the task of Russian philosophy of law is to return to the path of "truth", "morality" and "justice" in the construction of state-legal system in Russia. The author emphasizes after I. Ilyin, that this is possible only due to the upbringing of the "right" national consciousness or sense of justice.

Key words: Orthodox, sense of justice, "legal state of mind", conscience, law of the spiritual dignity, autonomy law, law of mutual recognition, truth, morality, justice, national identity.

Нормальное правосознание знает свой предмет вследствие целостного отношения души к праву. Именно такому отношению души к праву посвящена значительная часть творчества Ивана Александровича Ильина, становление философско-правовых взглядов ученого началось с увлечения системой Гегеля. Ильин указывал на то, что философия права не занимается дедукцией «должного», а понимает именно «сущее», то есть непосредственно подлинно реальный предмет. Поэтому понимание естественного права мыслитель не противопоставляет, в связке «должное – реальное», праву позитивному. Естественное право «есть безусловная сущность положительного права; оно есть, прежде всего, модификация абсолютной сущности мира вообще» [4, с. 300]. Эта сущность придает себе характер «правового состояния духа», тем самым дает возможность говорить о естественном праве не только как о реальности, но и как об абсолютной реальности.

Естественное право выступает в таком виде как внутренняя конструкция и скелет права положительного, а это умозрение обладает всеобщностью, что придает таковой характер всякому праву. «Отсюда вытекает, что всякое «положительное право» содержит в себе «естественное право» как свою родовую сущность и является ее специфическим видовым определением» [4, с.

301]. Таким образом, естественное право выступает душой права, его живой сущностью, которая проявляется в позитивно устроенном правопорядке. В данном случае о естественном праве можно сказать, что оно есть реально существующий закон. Но раз этот закон реален, то, по Гегелю, он разумен. Разумность и действительность естественного права показывает наличие его сущности во всеобщем и объективном правопорядке, который являет себя через позитивное право отдельного народа в определенный период времени.

Такое соответствие естественного права адекватной Абсолютности дает право начать субъективный поиск оснований всякого права. Однако такой «морально-волевой» поиск, обладая верной потенцией, пытается найти нечто для моральной воли непостижимо-недостижимое. Моральная воля не догадывается, что ищет основания своего собственного бытия, свою сущность, а когда находит, то видит нечто по своей природе сверхсубъективное. Именно в этот момент Ильин расстается с категорическим императивом Канта, так как вслед за Гегелем находит окончание моральных исканий, а именно «голос совести».

«Совесть есть адекватное знание абсолютного добра. То, что знается совестью, есть само добро, т.е. Божественная сущность мира» [4, с. 355]. Именно в совести особенная, субъективная воля в понимании и познании добра пытается связать субъект и объект, то есть моральный идеал и «содержательная реальность» наполняются, где «это «наполнение» не есть акт рассудочного познания, результатом которого является приобретенное «сведение». Нет, спекулятивное познание остается и в этике метафизическим событием реального схождения, творческого взаимопроникновения и обновления сторон. Субъект и объект творчески обновляются и начинают жить по-новому: слагается новый «образ мира» – образ нравственности». Определяющим в отношении Ильина к праву является убеждение о несоответствии объекта эмпирического мира и его идеального замысла: «Внешний строй, внешний порядок, убыль правонарушений и преступлений – есть только поверхностная видимость права и государства; она может быть налицо, а право и государство могут идти навстречу гибели». А отсюда возникает основной для Ильина и его учения лейтмотив о главенстве правосознания, обозначенный его исследователем А.Н. Окаром: «Строить право не значит придумывать новые законы и подавлять беспорядки; но значит воспитывать верное и все углубляющее и крепнущее правосознание» [6, с. 85].

Именно в вопросе о правосознании, по мнению Ильина, решается проблема «соучастия» не только «знания» и «мышления», но и воображения, воли, чувства, человеческого инстинкта и, что самое важное, – человеческой души. Правосознание как «вид духовного делания» принципиально связан с человеком как творящим началом, а не как «сторонним наблюдателем». «Для того чтобы установить и описать строение нормального правосознания, его необходимо найти и укрепить в себе самом» [3, с. 165].

Такая постановка проблемы утверждает Ильина в мысли о существовании противоречия (сходного с теорией «двух истин»), где идея права, реализующаяся в положительном праве, разделяется и становится «неправым правом», в котором конкретная норма противоречит цели права. Причина это заключена в том, что человеческая душа не в состоянии осознать естественную правоту, а значит и положить ее в основу собственно человеческих, положительных законов.

«Примечательно, что И.А.Ильин очерчивает границы правосознания при помощи категорий, допускающих многовариантность толкования – это присуще естественноправовому подходу, но неприемлемо для позитивистского», – пишет Окара. С этим утверждением мы склонны согласиться, так как сам Ильин считал, что «правосознание можно было бы описать как естественное чувство права и правоты или как особую духовную настроенность инстинкта в отношении к себе и к другим людям. Правосознание есть особого рода инстинктивное правочувствие, в котором человек утверждает свою собственную духовность и признает духовность других людей» [2, с. 231]. Это его определение является противоположным по смыслу утверждению Гегеля о том, что человек сам «обладает масштабом правового» и поэтому никогда не подчиняется внешнему авторитету (а значит – Богу, Закону). Сам же человек «разумет» в силу своей внутренней сущности, «разумности» что имеет силу закона, а что не имеет. У Ильина это «разумение» совершается через призму духа, а это, как раз, противно Гегелю. Ильин писал, что «правосознание есть инстинктивная воля к духу, к справедливости и ко всяческому добру. Но именно поэтому живой корень его надо искать в религиозном чувстве и в совести. Можно представить себе, конечно, правосознание вне религии и вне совести, но это будет что-то вроде воли, лишенной неба и земли, это будет дисциплина влечений, а не качественное и не творческое начало жизни, черствая форма, лишенная дара любви и дара созерцания» [1, с. 50].

Человек, признающий право как основу правосознания, – неполноценен, так как в нем нарушается естественное единство Духа, а значит эту «неполноценность» необходимо лечить «признанием духа». Именно «признание духа» сообщает, по мнению Ильина, чувство ответственности, которое, в свою очередь, ведет к знанию «меры» в соблюдении права и закона.

В отличие от западноевропейских классиков философии права, Ильин понимает правосознание как универсальную онтологическую данность и именно из нее выводит всю социально-правовую действительность, которая основана на эмпирически опосредованном чувстве меры, а значит, имеет четко обозначенные национальные рамки: государство; общество; власть; правопорядок; естественное право; правовой обычай; правовое поведение индивида.

Поэтому мы вправе говорить о национальном окрасе ильинского права и правосознания, так как верховенствующая роль в его естественном правосознании призвана сыграть только религия, а исходя из внутренне-религиозных побуждений самого философа – именно православие. Эта идея находит подтверждение в ряде высказываний Ильина: «Правосознание и царство Божие живут одною и тою же душевною тканью, осуществляют себя в одной и той же духовной среде...», а «сама религия как осуществление «царства Божия» невозможна вне права и его признания, то есть вне правосознания» [2, с. 388-390].

И.А. Ильин выделяет три основные аксиомы правосознания: закон духовного достоинства, закон автономии и закон взаимного признания, которые основываются на чувстве собственного духовного достоинства и являются «духовным состоянием». В этом состоянии дух есть цель права, а право это воплощенная форма духа. Эти три аксиомы – три истины, лежащие у истоков правовой (читай «праведной») жизни любого народа, но народа христианско-православного, так как ильинское синтезированное научно-теологическое обоснование государства и права создано в рамках православных ценностных ориентиров.

Чувство духовного достоинства есть необходимое и подлинное проявление духовной жизни, так оно есть знак такого самоутверждения, в рамках которого лишь и мыслится борьба за право, политическое самоуправление, национальная независимость. Человек, лишенный собственного достоинства – «политически недееспособен; народ, недвижимый им, – обречен на тяжкие исторические унижения» [1, с. 148].

Каждый имеет свои взгляды на понимания добра и зла, сущность человека и его назначение, право, закон и государство. Но опять эта автономия опосредована ментальностью народа из коего вышел человек и к коему принадлежит всегда. Человек же, подверженный «идолам театра» (по Ф. Бэкону), безумно принимающий чужие человеческие мысли на веру, страдает «духовным малодушием».

Третьей аксиомой правосознания Ильин считает признание безусловного духовного достоинства людей друг другом. Только здесь, и то в искаженной форме, мы находим европейско-кантовскую традицию в следовании категорическому императиву, но если основа кантовской правовой этики – моральность, то Ильин говорит о нравственном уважении. В результате этого возникает взаимное доверие, которое лежит в основе всякого правоотношения и им связаны граждане друг с другом, и граждане с властью, и власть с гражданами. Вне этих форм взаимного признания правопорядок, а значит сильное государство, защищающее интересы отдельного гражданина, не может существовать.

«Человечество за последние века пережило великий иррациональный кризис, который захватил подсознательные корни веры, нравственности, науки, искусства и правосознания. Эти корни стали слабеть и отмирать. Люди охладели к духовному опыту и прилеплялись к чувственному восприятию; они переставали ощущать Божественное в себе и в мире и укреплялись в доверии к рассудку, к естествознанию и технике. Человеческий горизонт все меньше захватывал иррациональную глубину души и духа и все определеннее ограничивался двумя измерениями дневного сознания» [2, с. 221-222].

Весь внутренний правовой опыт человека начал постепенно искажаться и приводить к новому правосознанию, которое становилось менее религиозным и более безбожным. Живой религиозный дух начал все более и более покидать правовую жизнь. Отношения между людьми стали утрачивать христианскую окраску и санкцию, и вследствие этого гоббсовский волк пошел навстречу гоббсовскому волку. Правосознание забывало свои первоначальные, священные основы и подчинялось духу скептицизма, релятивизма и нигилизма. Такое правосознание уже не отличает добро от зла, право от бесправия. В XIX веке в Европе обосновалась абстрактная и формальная юриспруденция, которая считалась только с положительным правом и забывала о естественном (т.е. «верном, идеальном, совестном») праве, «и лишь там и

сям можно было отыскать в этой юриспруденции скудные намеки на социальную идею и бледные остатки христианской идеологии, причем и то и другое считалось «субъективным» и «ненаучным» [2, с. 222].

Это состояние бедного духом правосознания характеризуется следующими признаками:

1. Отрицается дух, духовная личность, культура, вера, семья, родина и, непосредственно, право как самостоятельные ценности;
2. Жизнь человека сводится к материальным процессам и поиску благополучия в пространственно-временном, вещественном мире;
3. Возникло неверие в силу личной свободы и равновесия личной и общественной жизни;
4. Вера в силу механической покорности и «диктаториального приказа и запрета».

Безусловно, государство не призвано прививать и разъяснять людям нравственность и добродетель, а тем более понуждать людей к любви, совестливости и духовности. Наоборот, государство уже предполагает эти качества как имеющиеся в человеческих душах, опираясь на них. Высшая цель государства поэтому заключена не в том, чтобы держать своих граждан в покорности, подавлять личную инициативу, а в том, чтобы организовывать и защищать Родину на основе права и справедливости, то есть правды, исходя из уверенности, что эта правда скрыта в здоровом правосознании. Именно поэтому государству дается власть. Только этой цели государство и призвано служить, а «служить ей оно может только через преданное и верное правосознание своих граждан».

Безусловно, специфика современной российской философии права зиждется на соотношении западноевропейской традиции и самостоятельном самобытно-русском видении данной проблематики. Однако однозначный вывод и выход из сложившегося сегодня кризиса европейского, а в особенности русского, права не найден, поэтому достаточно точно можно определить нынешнее состояние как перепутье или распутье.

Обращаясь, вслед за Карлом Ясперсом, к его концепции исторического процесса, мы обращаем внимание на его видение мировой истории, которая делится на три периода:

- доисторический, где происходит становление физического и духовного потенциала человечества, то есть самого человека как существа разумного;
- неолитическая революция, посредством которой появляются государства, письменность, культура и другие проявления социальной действительности, это период мифологического обоснования мира;
- точка осевого времени как период появления «сомнения» в истинности мифологического взгляда на мир, отказ от мифологии и принятие «рацио» как наиболее действенного и значимого атрибута человека.

Следовательно, если до осевого времени человек обосновывает свои права чисто мифолого-теологически, то в период расцвета «рацио» – при помощи рационального логико-доказательного мышления. Человеческий разум должен был заполнить нишу, которая образовалась после отказа от сверхъестественного обоснования предустановлений человеческой жизни.

Этот пробел был заполнен теорией естественного права.

Вся уверенность западноевропейских философов-правоведов в построении идеального государственно-правового устройства в Европе переживают в настоящий момент глубокий кризис, так как европейская парадигма суверенитета и унитарного государства подвергается настоящей структурной перестройке. Классическое понимание государства и права привело, в силу их отказа от поиска правды, к рождению государства нового типа, где принцип автономии личности является главенствующим.

Но так как исторический путь России определяется православием, то традиционная для отечественной мысли задача состоит в том, чтобы попытаться удержать духовный опыт России в рациональной форме, то есть учесть его в философских и правовых теориях. Для русской юридической науки характерно стремление интегрировать философию права в систему правовой теории в качестве методологического фундамента самостоятельной научной дисциплины. Так, в русской философии права своеобразно видится кантовский категорический императив, человеческий долг и предназначение, гегелевское понятие свободной воли и идея гражданского общества. Отсюда, в русской философии права можно выделить следующие положения.

Утверждается единство мира, и разумно-нравственный порядок отдельной человеческой личности есть его частица.

Из этого следует, что человек обладает разумом тождественным Абсолюту, вследствие чего он (человек) может усваивать и следовать закону мирового порядка, то есть Божиему Закону.

В этом осознании Божьего Закона человек становится свободным и осознанно участвует в процессе реализации Любви и Добра, одной из форм которого является право.

В рамках своей безнравственной деятельности человек реализует Зло, то есть как бы субстанциализирует его.

В силу вышеизложенных идей самобытная и самостоятельная задача русской философии права заключается в том, чтобы вернуться на путь «правды», «нравственности» и «справедливости» в построении государственно-правовой системы России. А это возможно лишь при воспитании «правильного» национального самосознания или, как говорит Ильин, – правосознания.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ильин И.А.* О сущности правосознания. М.,1993.
2. *Ильин И.А.* Собр. Соч. В 10-ти тт. Т.4.
3. *Ильин И.А.* Основные задачи правоведения в России // Ильин И.А. Родина и мы. Смоленск,1995.
4. *Ильин И.А.* Философия Гегеля как учение о конкретности Бога и человека. М.,1994.
5. *Камалова О.Н.* Проблема интуитивного познания в иррациональной философии // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2010. № 4.
6. *Окара А.Н.* Правосознание – центральная категория философии права И.А.Ильина // Государство и право. 1999. № 6.
7. *Финько М.В.* Религиозно-нравственные основы философии культуры Ивана Ильина // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2007. № 3.

REFERENCES

1. *Ilyin I.A.* On the essence of justice. Moscow, 1993.
2. *Ilyin I.A.* Collection of works. In 10 volumes. Vol.4.

3. *Ilyin I.A.* The main objectives of law in Russia // Ilyin I.A. Homeland and we. Smolensk, 1995.
4. *Ilyin I.A.* Hegel's philosophy as the doctrine of the concreteness of God and man. Moscow, 1994.
5. *Kamalova O.N.* The problem of the intuitive knowledge of the irrational philosophy // The Humanities and socio-economic sciences. 2010. No 4.
6. *Okara A.N.* Justice – the central category of the law philosophy by I.A. Ilyin // the State and the law. 1999. No 6.
7. *Finko M.V.* Religious and moral foundations of the philosophy of culture Ivan Ilyin // The Humanities and socio-economic sciences. 2007. No 3.

19 июля 2016 г.
